Автор: admin
05.06.2011 03:39 -

Царство мертвых. Культ предков

Культу предков у разных народов можно посвятить целую книгу. Здесь мы покажем лишь два одни из самых распространенных представлений народов о царстве умерших. На самом деле, культ предков был вторым по значимости культом после культа, посвященного плодородию и тотемам. Тотемы были также связаны с предками, и вообще все, что для человека считалось узами родства, было связано с культом предков.

Пребывание человека после смерти, его положение, его состояние, во многом формировало отношение к миру и действительности. Если человек считал, что после смерти он будет влачить жалкое существование и от его геройств останется лишь призрачная тень, то, следовательно, при жизни следует жить так, чтобы насладиться и насытиться всеми ее благами. Если человек, считал, что только после смерти его ожидает благополучие и исполнение всех его желаний, то жизнь в мире для него жизнь "подготовительная" к самой главной жизни.

Это одни из самых распространенных представлений народов о пребывании человека после смерти, хотя большинство народов склонялись к первому. Личность человека не считалась чем-то цельным и неповторимым, оценивались лишь его поступки. Об этих поступки, если они были достойны и считались геройскими, складывались предания, в память о них. Очень часто это делалось также и для того, чтобы не только помнить о великом могуществе предков, но и стараться достичь его, суметь повторить их подвиги и поднять народ на вершину славы или могущества в чем-либо над другими народами (в воинской доблести, в гаданиях, в искусстве, в познаниях, в колдовстве и пр.). Подвиги предков, как правило, имитировали (представляли) на всеобщих праздниках. Очень часто обряды целиком состояли и были построены на имитациях подвигов предков (в том числе и обряд инициации).

Культ предков у греков и культ предков у кельтов два, с одной стороны, очень схожих мифа, с другой - совершенно различных. Греки представляли царство умерших и царство жизни (царство небожителей) как два различных царства; кельты, напротив, эти два царства воспринимали как единое царство жизни, жизни иной, возможно настоящей в ее подлинном проявлении.

Греческая мифология.

В греческой мифологии есть один из ярчайших примеров того, как греки представляли себе пребывание умерших, то место, где пребывают их предки. Например, история Орфея, описанная Овидием в "Метаморфозах", спустившегося в подземное царство за своей возлюбленной женой Эвридикой.

Орфей был мифический певец, у которого сила певческого таланта была так велика, что приводила в движение деревья и скалы, и укрощала диких зверей. Имя Орфея стало синонимом замечательного певца и музыканта.

Изложено по поэме Овидия "Метаморфозы" (легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима"). "Орфей в подземном царстве. Великий певец Орфей, сын речного бога Эагра и музы Каллиопы, жил в далекой Фракии. Женой Орфея была прекрасная нимфа Эвридика. Горячо любил ее Орфей. Но недолго наслаждался Орфей счастливой жизнью с женой своей. Однажды, вскоре после свадьбы, прекрасная Эвридика собирала со своими юными подругами нимфами весенние цветы в зеленой долине. Не заметила Эвридика в густой траве змею и наступила на нее. Ужалила змея юную жену Орфея в ногу. Громко вскрикнула Эвридика и упала на руки подбежавшим подругам. Побледнела Эвридика, сомкнулись ее очи. Яд змеи пресек ее жизнь. В ужас пришли подруги Эвридики, и далеко разнесся их скорбный плач. Услышал его Орфей. Он спешит в долину и там видит труп своей нежно любимой жены. В отчаяние пришел Орфей. Не мог он примириться с этой утратой. Долго оплакивал он свою Эвридику, и плакала вся природа, слыша его грустное пение.

Наконец решил Орфей спуститься в мрачное царство душ умерших, чтобы упросить Аида и Персефону вернуть ему жену. Через мрачную пещеру Тэнара спустился Орфей к берегам священной реки Стикс.

Стоит Орфей на берегу Стикса. Как переправиться ему на другой берег, туда, где находится царство Аида? Вокруг Орфея толпятся тени умерших. Чуть слышны стоны их, подобные шороху листьев, падающих в лесу поздней осенью. Вот послышался вдали плеск весел. Это приближается ладья перевозчика душ умерших Харона. Причалил Харон к берегу. Просит Орфей перевезти его вместе с душами на другой берег, но отказал ему суровый Харон. Как ни молит его Орфей, все слышит он один ответ Харона: "Нет!"

Ударил тогда Орфей по струнам кифары, и разнеслись по берегу Стикса ее звуки. Своей музыкой очаровал Орфей Харона; слушает он игру Орфея, опершись на весло. Под звуки музыки вошел Орфей в ладью, оттолкнул ее Харон веслом от берега, и поплыла ладья через мрачные воды Стикса. Перевез Харон Орфея. Вышел он из ладьи, играя на золотой кифаре, пошел к Аиду, окруженный душами, слетевшимися на звуки его кифары.

Приблизился к трону Аида Орфей и склонился перед ним. Сильнее ударил он по струнам кифары и запел. Он пел о своей любви к Эвридике и о том, как счастлива была его жизнь с ней в светлые, ясные дни весны. Но быстро миновали дни счастья, погибла Эвридика. О своем горе, о муках разбитой любви, о тоске по умершей пел Орфей. Все царство Аида внимало пению Орфея, всех очаровала его песня. Склонив на грудь голову, слушал Орфея Аид. Припав головой к плечу мужа, внимала песне Персефона, слезы печали дрожали на ее ресницах Очарованный звуками песни, Тантал забыл терзающие его голод и жажду. Сизиф прекратил свою тяжкую, бесплодную работу, сел на тот камень, который вкатывал на гору, и глубоко задумался Очарованные пением, стояли Данаиды; забыли они о своем бездонном сосуде. Сама грозная трехлика я богиня Геката закрылась руками, чтобы не видно было слез на ее глазах. Слезы блестели и на глазах не знающих жалости Эриний, даже их тронул своей песней Орфей. Но вот все тише звучат струны золотой кифары, все тише песнь Орфея, и замерла она, подобно чуть слышному вздоху печали.

Глубокое молчание царило кругом. Прервал это молчание бог Аид и спросил Орфея, зачем пришел он в его царство, о чем хочет просить его. Поклялся Аид нерушимой клятвой богов - водами реки Стикса, что исполнит он просьбу дивного певца

Ответил Орфей Аиду:

- О могучий владыка Аид, всех нас, смертных, принимаешь ты в свое царство, когда кончаются дни нашей жизни. Не затем пришел я сюда, чтобы смотреть на те ужасы, которые наполняют твое царство, не затем, чтобы увести, подобно Гераклу, стража твоего царства - трехглавого Кербера. Я пришел сюда молить тебя отпустить назад на землю мою Эвридику. Верни ее к жизни; ты видишь, как я страдаю по ней! Подумай, владыка, если бы отняли у тебя жену твою Персефону, ведь и ты страдал бы. Не навсегда же возвращаешь ты Эвридику. Вернется опять она в твое царство. Кратка жизнь наша, владыка Аид. О, дай Эвридике испытать радости жизни, ведь она сошла в твое царство такой юной!

Задумался Аид и, наконец, ответил Орфею:

- Хорошо, Орфей! Я верну тебе Эвридику. Веди ее назад к жизни, к свету солнца. Но ты должен помнить одно условие: ты пойдешь следом за богом Гермесом, он поведет тебя, а за тобой будет идти Эвридика. Но во время пути по подземному царству ты не должен оглядываться. Помни! Оглянешься, и тотчас покинет тебя Эвридика и вернется навсегда в мое царство.

На все был согласен Орфей. Спешит он скорее в обратный путь. Привел быстрый, как мысль, Гермес тень Эвридики. С восторгом смотрит на нее Орфей. Хочет Орфей обнять тень Эвридики, но остановил его бог Гермес, сказав:

- Орфей, ведь ты обнимаешь лишь тень. Пойдем скорее, труден наш путь.

Отправились в путь. Впереди идет Гермес, за ним Орфей, а за ними тень Эвридики. Быстро миновали они царство Аида. Переправил их через Стикс в своей ладье Харон. Вот и тропинка, которая ведет на поверхность земли. Труден путь. Тропинка круто поднимается вверх, и вся она загромождена камнями. Кругом глубокие сумерки. Чуть вырисовывается в них фигура идущего впереди Гермеса. Но вот далеко впереди забрезжил свет. Это выход. Вот и кругом стало как будто светлее. Если бы Орфей обернулся, он увидел бы Эвридику. А идет ли она за ним? Не осталась ли она в полном мрака царстве душ умерших? Может быть, она отстала: ведь путь так труден! Отстанет Эвридика и будет обречена вечно скитаться во мраке. Орфей замедляет шаг, прислушивается. Ничего не слышно. Но разве могут быть слышны шаги бесплотной тени? Все сильнее и сильнее охватывает Орфея тревога за Эвридику. Все чаще он останавливается. Кругом же все светлее. Теперь ясно рассмотрел бы Орфей тень жены.

Наконец, забыв все, он остановился и обернулся. Почти рядом с собой увидел он тень Эвридики. Протянул к ней руки Орфей, но дальше, дальше тень и потонула во мраке. Словно окаменев, стоял Орфей, охваченный отчаянием. Ему пришлось вторично пережить смерть Эвридики, а виновником этой второй смерти был он сам.

Долго стоял Орфей. Казалось, жизнь покинула его, казалось, что это стоит мраморная

статуя. Наконец пошевельнулся Орфей, сделал шаг, другой и пошел назад, к берегам мрачного Стикса. Он решил снова вернуться к трону Аида, снова молить его вернуть Эвридику. Но не повез его старый Харон через Стикс в своей утлой ладье. Напрасно молил его Орфей-не тронули мольбы певца неумолимого Харона. Семь дней и ночей сидел печальный Орфей на берегу Стикса, проливая слезы скорби, забыв о пище, обо всем, сетуя на богов мрачного царства душ умерших. Только на восьмой день решил он покинуть берега Стикса и вернуться во Фракию".

Кельтская мифология.

Для сравнения можно предложить представления кельтов о "стране умерших". Рай, как считали кельты, находился на острове или островах, расположенных где-то в океане, называвшихся Землей Живых, Землей Женщин, Землей Молодых, Равниной Радостей, и Тир Тарнгири - Землей Обетованной (из христианства).

Острова эти были населены богами, духами умерших королей и других героев мифов. Прокоп Цесарейский сообщал о том, как бретонские кельты, жившие на побережье, доставляли души умерших на Британские острова. "Ночью этих людей будил стук в дверь, и они отправлялись на берег, где их поджидали глубоко погруженные в воду лодки, в которых, казалось, никого не было. Двигались эти лодки сами, причем с поразительной скоростью, а бретонцы лишь выполняли роль рулевых. По прибытии к британским берегам неведомый голос поименно вызывал души прибывших, и, по мере того как назывались имена, борта лодок все выше поднимались над водой".

У кельтов также известен миф о том, как некий Бран отправился, подобно Орфею, в царство мертвых. Старинные курганы и кладбища назывались "сид", а обитатели подземного мира, в который можно было попасть через гробницы (а иногда через пещеры) назывались Эс Сид - "народ сид". Когда бог подземного сида Мидир, похищает у короля Эхеда супругу и забирает ее к себе, муж отправляется в сид, находящимся внутри холма, и, после схваток с темными силами, отвоевывает жену.

У кельтов есть, своего рода, "Одиссея", которая также повествует о царстве мертвых. Однажды Брану колдунья рассказала о прекрасном острове - Земле Женщин, где нет ни смерти, ни горя, ни несчастий, где вечно звучит прекрасная музыка, а обитатели проводят время в достойных развлечениях, устраивая гонки лодок или колесниц, разъезжая на чудесных скакунах.

Бран в компании двадцати семи товарищей, отправляется в море и после полного приключений путешествия в западном направлении прибывает на Землю Женщин, где гостей встречает королева острова. После годового пребывания в чудесном крае, где жизнь действительно проходит в непрерывных турнирах, пиршествах и прочих удовольствиях, друзья решают все-таки вернуться на родину, к своим близким. На берегу родной Ирландии собравшиеся люди вопрошают прибывших, кто они. Бран отвечает, что он Бран, сын Фебала, но люди говорят, что не знают Фебала, хотя в древних сказаниях говорится о нем и его не вернувшемся из путешествия сыне Один из членов экипажа выскакивает на берег и тут же рассыпается в прах - "будто века пролежал в могиле". Бран понимает, что на самом деле в мире людей прошли века, и, рассказав собравшимся о своих приключениях, отправляется в обратный путь - в Землю Женщин.

Мотив двух разных систем отсчета времени в двух разных мирах не раз повторяется в мифах кельтов Ирландии, а тема сказочных путешествий дала начало более позднему циклу повествований святого Брендана. Он также существует и в образе Мирового Древа, которое росло царстве мертвых.

Вообще у многих народов Мировое Древо, Древо Жизни растет на небесах в раю, где обитают бессмертные боги и взятые на небо живыми герои, как в Греции. И при этом царство умерших и небеса разделены - одно на небе, другое под землей. У других народов, как у кельтов, эти два царства совмещены.

Поиск таинственных знаний заводил героя в царство смерти (как у славян в сказках) к Древу Жизни Рябине Знаний и Вдохновения. Эта рябина росла над ручьем, роняя в него ягоды, окрашивающие воду в красный цвет. Живущие в ручье форели поедали эти ягоды, и тот, кто съедал такую рыбу или пил воду из ручья, постигал высшие знания. А если священная форель случайно уходила из своих вод, кому-то удавалось поймать и съесть ее, то такой счастливчик также приобщался к таинствам высших знаний (этот мотив очень часто присутствует в сказках финнов, скандинавов, чехов).

Ветви Рябины символизируют лозу - раздвоенную с одного конца палочку. И людям, отправлявшимся в мир иной, боги проводники давали такие раздвоенные рябиновые веточки. Избранным считался тот, кто, пользуясь веточкой, находил в стране мертвых источник жизни. В этом случае "счастливчик" уподоблялся божеству и мог общаться с живыми людьми.

У кельтов существует миф о влюбленных, чьи сердца разорвались от боли, кода им сообщили ложные известия о смерти возлюбленного. Этим древнейшим мифом воспользовался Шекспир для создания своей трагедии о "Ромео и Джульетте".

Вообще быть избранным в смерти для каждого народа имело огромное значение. Получить смерть на войне, от удара молнией или при каких-либо странных обстоятельствах считалось очень важным для каждого народа, так как смерть на войне - это смерть героя, а все другие - это смерти, полученные в результате соприкосновения с иной действительностью или соотношения с богом, считалось что боги такого человека забирают не в царство умерших, а в сонм богом. Это значило, что жизнь такого человека - жизнь избранного богами, и деяниям этого человека следует подражать, историю жизни следует помнить и передавать из поколения в поколение, дабы и сами люди и их потомки смогли стать избранными и присоединиться к богам.

Во многих народах это представление об избранной смерти породило ее имитацию для выдающихся деятелей общины, жрецов и вождей. Имитация смерти была также связана с культом плодородия. Природный цикл рождения и умирания природы - плодородного периода года и бесплодного - связывался с жизнью общества и верховного вождя. Вождь олицетворял главные силы плодородия и потому должен был подчиняться основному циклу природы, чтобы не потерять плодородную силу, которая распространялась не только на его семью, но и на общество в целом, на плодородие земли, и т. д.

Смерть вождя в разных народах имитировали по-разному. Иногда вождь притворялся умершим и над ним совершали погребальный обряд. Иногда на роль вождя на краткий срок (от одного дня до месяца) избирали другого человека, который своим приемником назначал настоящего вождя, и в определенный день новоизбранного торжественно как вождя убивали и хоронили.

Факт смерти в сознании человека - один из определяющих факторов, по мнению современных философов, влияющих на поступки человека, весь ход истории. Этой проблему мы рассмотрим в последующих изданиях истории мировой культуры. Во всех культурах существуют разного рода имитации смерти. В античности Дионисии и Аполлонии были связаны с прикосновением к миру иному - потустороннему, к миру богов. Поэтому люди наряжались в маски, чтобы изобразить иную жизнь.

Элементы смеха, уродства, кривизны, левизны, - все это характеристики смерти, существующие в сознании человека. Этой теме посвящен ряд серьезных исследований, мы остановимся на этой теме кратко. В сказках часто владеющие мистической или магической силой, силой иного мира, описывались как уродливые, хромые люди. Маска у всех народов (карнавальные праздники) также олицетворяла причастность к иному миру, к миру загробному, миру смерти. Поэтому праздники, связанные с загробным миром имели массовый характер и переросли в средневековые карнавалы. Маска позволяла переходить грань реальной жизни и иного мира, приобщая таким образом не только к загробному иному миру, но и к миру таинственному, к миру смысла бытия, к тому, что сверх видимого.

В древности понятия мира загробного, смерти, таинственного смысла бытия (к которому приобщали в обрядах инициации), мира богов, объединялось в одно единое понятие. Все мироздание представлялось как два мира - мир реальный (мир людей) и мир ирреальный (мир богов), который диктует законы миру реальному.